

Эйден Скайр

Начинается стража

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эйден Скайр
Начинается стража

«Автор»

2026

Скайр Э.

Начинается стража / Э. Скайр — «Автор», 2026

После последней войны человечество исчезло. Глубоко под землёй остался лишь бункер с криокапсулами и двумя хранителями — отцом и сыном. Их задача — сохранить последнее убежище и однажды вернуть людей к жизни. Но всё меняется, когда система сбоит и они пробуждают девушку из прошлого. Пока старые механизмы выходят из строя, запасы истощаются, а правда о создании бункера постепенно раскрывается, троим людям предстоит решить, что важнее: следовать инструкции или остаться человеком.

© Скайр Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Эйден Скайр

Начинается стража

Глава

Когда небо стало фиолетовым, никто уже не смотрел вверх.

Оно больше не принадлежало им. Оно гудело, вибрировало, трещало — будто что-то колоссальное разрывалось над планетой, обнажая внутренности. Люди кричали. Те, кто мог — бежали. Те, кто не мог — падали наземь в тених машин, домов, стеклянных башен.

Артём стоял у окна института, в полудреме, в том полусне, который присущ только старикам и детям. Рядом суетился отец, вытаскивая из ящиков, шкафов, сейфов, все, что могло пригодиться, раскидывая по полу, вытряхивая, он примечал наметанным взглядом самое нужное, складывал в переполненные чемоданы и сумки и быстро двигался дальше, как ураган наматывая остатки цивилизации.

И хаос был не только в помещении. Он как будто расплзался по воздуху — вязкий, электрический, как запах перегретого металла. Даже туман за окном выглядел неестественно — будто кто-то, торопясь, нарисовал его кистью, чтобы прикрыть происходящее, но краска закончилась на полпути.

За стеклом — конец мира в прямом эфире. Машины ползли, сталкивались, сминали друг друга, будто игрушки, оставленные на горке ребёнком. Грузовики давили легковушки без всякой символики — просто так, по естественному праву более тяжёлого тела. Закон силы снова вошёл в моду. Люди с чемоданами, с рюкзаками, с остатками своей прошлой жизни метались, как муравьи после дождя. Кто-то ломился в метро, кто-то в подвал, кто-то просто бежал в сторону, где не было взрывов. Но взрывы были везде — и внутри тоже.

Сирены выли, самолёты теряли высоту, небо выглядело уставшим. Всё происходило одновременно и бессмысленно, как будто город вдруг понял: его существование было ошибкой, и теперь он пытался исправить её — разом, одним движением. И вся эта грязь, что поднялась, — не метафора. Это просто то, что всегда было под асфальтом, под словами, под иллюзией порядка. Город рвал себя на части, выдыхая всё, что копил десятилетиями: мусор, страх, тоску, человеческие остатки.

Арте́м спустился с подоконника, и дернул отца за рукав.

— Пап, это война? — спросил, подняв глаза на мужчину, в его зрачках казалось играет небесный свет, странный, почти как северное сияние, только дрожащий, ядовито-жёлтый. Тот которым скоро покрасит небо над столицей.

— Это не война, — ответил отец, — это глупость, доведённая до предела. Он сжал его руку. Они взяли что могли и двинулись к лифту. Высокие коридоры залитые светом встречали их как монархов шедших на трон, отец с мальчиком шли под землю. Где - то звенели стекла, ели слышно скрипели двери, и сирена не прекращалась ни на минуту. Вдруг путь им перегородил мужчина в халате.

-Паша!

- Иди, Артем, иди сынок, папа догонит.

И Артем пошел, чемодан отца теперь висел на нем, и не оглядываясь он со страхом двинулся к двери лифта, которую помнил очень давно, как ребенок вечного работающего родителя. Только дошел он, как позади раздался крик , и быстро выбежал из коридора отец.

-Давай!

Он начал кидать собранные в кучу у входа в бункер чемоданы, нахлестом в глубину кабины, тесно стало в ящике, как в гробу, отец вводил цифры, по памяти, бегло но очень четко,

как робот. Где - то жажнуло, потом еще, и крепко зажмурившись Артем переступил черту, двери сомкнулись.

Бункер находился под Научным Центром стратегических разработок, о котором не писали в газетах. Даже вывески не было. Это был обычный лаборантский корпус по изучению пищевой продукции им. Лебедева, СССР. Серый вход среди деревьев. Обычная Москва в ее рабочем виде. В виде потасканных грязных телогреек или накрахмаленных потных костюмов. Административное здание, высокие коридоры, подвал - убежище на случай ЧП. По факту секретный бункер, уходивший на десятки метров под землю. Таких бункеров было много по всей Москве, в самых разных местах и для самых разных людей, объединяло их лишь одно, бункеры эти были не для всех, и к каждому был приставлен свой человек

Они прошли туда, отрезая пути гермозатвором дверей. Электричество было тусклым. В коридорах пахло металлическим, кислым. Отец шёл быстро, тяжело дыша, волоча за собой несколько чемоданов, часть из них он бросил в коридорах, проверяя что-то в блокноте он поминутно останавливался. Но даже так Артём едва поспевал, он тоже волочил огромный чемодан, который то и дело норовил подлезть в детские ботинки, или поставить подножку, пот лился градом, а перед глазами стояли огненные шары.

Когда они спустились в центральный зал, казалось, что попали в музей будущего. Или мавзолеей. Вдоль стен — ряды криокапсул. Прозрачные, запотевшие, словно огромные стеклянные желудки. Внутри — люди. Лежали, будто спали, с закрытыми глазами. Были мужчины в костюмах, женщины в форменной одежде, кто-то в хирургическом халате. Кто-то в чём-то, напоминающем театральные плащи.

На каждой капсуле — табличка: имя, год рождения, область деятельности. Артём не читал, но замечал — кто-то был лыс, кто-то с густыми бородами, одна женщина даже улыбалась во сне. Всё это казалось неправильным. Всё это было слишком тихо.

Отец включил аварийное питание. Лампы медленно загудели. Пространство ожило глухим светом.

— Папа... кто они?

— Они? — Отец снял маску и сел прямо на холодный пол. Он выглядел как человек, который долго держался — и вдруг понял, что его больше никто не видит. — Это... остаток. Те, кого решили сохранить. Выдающиеся. Необходимые. Те, кто, пригодится в новом мире....

Артём подошёл к капсуле. За стеклом — седовласый старик, похожий на тех, кто выступал по телевизору в программах про открытия и награды. Он был спокоен. Не как спящий. Как статуя.

— Они проснутся?

Отец долго не отвечал. Потом встал, подошёл к консоли и провёл рукой по клавишам.

— Да. Когда придёт время.

Артём посмотрел на него. В голосе отца была пустота. Пустота, которую не заполнишь даже словами.

— А мы?

— А мы, — сказал отец, — будем охранять, помнишь как в музее восковых статуй, дядя следит чтобы статуи никто не трогал, и когда надо включает охлаждение, чтобы они не таяли. Он положил ладонь на панель управления. Машина тихо гудела.

— Теперь, Тёма... мы — хранители будущего.

Так начался их новый мир. Без улиц. Без друзей. Без неба. Только отец, тишина и сотни чужих лиц, замороженных в ожидании. Мир закончился. Началась стража.

2

Если бункер и имел голос, то он говорил бы сквозь металл. Тонким, дрожащим шёпотом труб, гулким кашлем вентиляторов, тиканьем реле, живущих своей жизнью. Ни одна часть

этого пространства не была по-настоящему мёртвой — всё здесь гудело, дышало, дрожало. Тёплая, пыльная утроба цивилизации, которая пережила собственную гибель.

Артём сидел у терминала с чашкой серого кофе. Кофе был порошковый, выдохшийся, но отец любил кофе, они пили его практически каждое утро — «чтобы сохранять ритуал». Таких пакетиков у них было много, несколько этажей бункера были заставлены продовольствием, к тому же другие несколько этажей были выделены под выращивание культур. (Они еще не пробовали выращивать кофейные деревья, но Артем читал в одной книжке, что так можно, получится ли у них?) Когда новый мир воскреснет, нужно быть готовым для его начала, дать ему тот необходимый толчок, это еще одна задача хранителей, подготовить не только людей к миру, но и мир к людям.

На самом деле понятие завтрака утратило свой смысл далекие десять лет назад, как и понятие времени, как и понятие какого-либо смысла в целом, осталась только цель. Цель вставать по заведенному будильнику, когда лампы светят чуть ярче обычного, проверять систему, капсулы, обходить ряды, нескончаемые ряды, 488 капсул, камер хранения или заточения, проверять фермы, проверять генераторы, вечно что-то проверять, потом свободное время. Что такое свободное время, Артем помнит школьное сочинение написанное во втором классе, о том как я провел лето. Какое теперь оно мое лето? Чинить, изучать. Я биоробот и не более.

Хотя у меня есть все для жизни, почти санаторий, обустроенные комнаты, библиотека, кинозал, спортивные развлечения, огромный выбор пищи, и возможность делать все что вздумается, почти все, но все же чего-то не хватает..

На экране шли графики. Вертикальные линии температуры и давления напоминали кардиограмму. В правом углу поблёскивали имена — кто-то их когда-то ввёл, с биографией и должностями. «Хрусталёв Валентин Саввич. Атомная энергетика». «Соколова Инна Павловна. Художественный руководитель Большого». Словно музей с табличками «не трогать руками».

Они спали — сотни тел, подвешенные в безвременье, как зимующие насекомые в янтаре.

Отец вошёл, как всегда — не произнеся ни звука. Он был одет в синий комбинезон с белым нашивным крестом — знак технического персонала, теперь, вероятно, уже вымершей касты. В руках — набор инструментов в старом кожаном чехле.

У вентиляционного узла отец присел и начал разбирать кожух. Артём присел рядом, достал канистру со смазкой.

— Знаешь, — начал отец, не глядя на него, — кукуруза всё-таки проросла.

Артём поднял брови:

— Серьёзно?

— Восемь стеблей. Тонкие пока, как волос. Но это точно она. Я полгода крутился, и только сейчас — проклюнулась.

— А ты уже думал, что бесполезно?

Отец хмыкнул.

— Я думал, что это издевательство. Всё росло — редис, салат, даже фасоль. А кукуруза — нет. Как будто ей нужна была не просто почва, а что-то ещё. — Он сделал паузу, щёлкнул ключом. — Наверное, солнце. А может, воздух. Или просто — время.

Они замолчали. Отец тщательно смазал шестерню, проверил натяжение ремня. Потом вдруг сказал, уже другим голосом:

— Мы с твоей матерью ездили на юг, когда ты был ещё совсем маленький. В Сукко. Жили в домике с видом на обрыв, там был пляж с чёрной галькой. Я впервые тогда ел кукурузу, сваренную на костре. Её продавали прямо на берегу. Горячая, сочная. Запах — до сих пор в носу.

Артём молчал, не мешал. Он редко слышал, как отец вспоминает мать. А уж тем более — с теплом.

— Она тогда всё время смеялась. На работе такая серьезная была, а там все по - другому, море, ты же даже не видел море вживую, знаешь, когда это все закончится, мы с тобой отправимся на море..

Он вытер руки о тряпку.

— Думаешь нас отпустят?

— Почему нет — сказал отец. — Свою задачу мы выполним, а остальное как -нибудь без нас, и отправимся с тобой, туда, на пляж, где не было городов, там не будет радиации, чистый воздух...

Артём посмотрел на него внимательно, будто что-то сверял в уме. А потом кивнул.

— Хорошо, пап, я буду ждать.

Они собрали инструменты, затянули крышку насоса. Шум стал чуть ровнее — глухой, уверенный, как пульс. По пути обратно они шли медленно.

— Если кукуруза выжила здесь, — сказал Артём, — значит, и мы можем.

Отец ничего не ответил. Будто мысленно ещё был на том берегу, в Сукко, под солнцем, которого здесь не было уже много лет.

Они прошли несколько шагов в тишине, прежде чем Артём заговорил снова:

— Ты выпил «Трензол» сегодня?

Отец остановился.

— Забыл. Не до него было.

Артём полез в карман и протянул маленькую серую капсулу. На ней — стандартная маркировка: TR-NZL/72. Сухая инструкция когда-то говорила: *«Для стабилизации нейросенсорного фона и предотвращения психогенных реакций в условиях замкнутого автономного существования».* Инструкция №58.

— Нельзя забывать, — сказал Артём. — Слишком долго без них — и ты начинаешь думать о вещах, о которых лучше не думать.

Отец взял капсулу, посмотрел на неё в ладони. Сжал пальцы.

— Я всё ещё человек, Тёма.

— Я знаю, — сказал Артём. — Именно поэтому мы пьём таблетки.

Отец молча положил капсулу на язык и запил водой из фляги. Сделал это без пафоса, как ритуал. Как чистку зубов. Или обед.

3

Музыка тихо играла из терминала — старая джазовая подборка, перебивалась хрипами сигнала, но держала атмосферу. Что-то из доэпохи — пианино, мягкие барабаны, и легкий женский голос, про любовь.

Отец отрезал кусок и положил на металлическую тарелку. Торт был скромный — основа из сухпайков с порошковым кремом, сверху — порция какао.

— С днём рождения, — сказал он.

Артём смотрел на это сдержанно, но взял. Ему исполнилось восемнадцать. Внизу, под двадцатью метрами бетона, без солнца, без неба — день рождения всё равно был чем-то важным.

Они ели молча. Потом отец налил горячую воду в кружки — чай из травяного набора, очень редкого.

— Это зверобой? — удивился Артём.

— Для особых случаев, — кивнул отец. — Как сегодня.

Они ели молча, смакуя каждую частичку скромного угощения, герои уже не помнили вкус других сладостей, так что и этот скромный торт ему казался вполне праздником. Затем музыка сменилась. На фоне снова заиграл саксофон.

Артём отложил ложку, посмотрел прямо:

— Я всегда хотел спросить, почему нас двое?

Отец посмотрел на него с паузой. Не удивился. Не напрягся. Просто медленно отставил чашку.

— Потому что этого оказалось достаточно.

— Но ведь по протоколу... — Артём был спокоен — Должен быть один хранитель. Один. Это чётко прописано. Ты сам читал мне эти документы.

Отец выпрямился на стуле.

— Я принял решение. Я хотел спасти тебя, криокапсулы не идеальны, тебе было восемь лет, и мы не могли положить тебя туда, скорей всего ты бы умер. Остался единственный шанс, понимаешь, спуститься вниз вместе со мной, нарушить протокол, инструкции, предать себя отчасти, но единственный шанс спасти тебя и..

— Тогда в коридоре, тот человек которого мы встретили, ты убил его ?

Вопрос прозвучал почти без эмоций. Как медицинское заключение.

— Сынок, послушай, он бы попытался остановить нас, у них была такая задача. Из страха. Из совести. Из слабости. Я не мог рисковать. Мы — должны были выжить.

— Это не выживание, — отрезал Артём. — Это медленное умирание. Может, лучше было бы просто...

Отец перебил его, не грубо, но резко:

— Хватит. Все получилось, как получилось, думаешь я бы смог бросить тебя там? Что мне было сделать, оставить восьмилетнего мальчишку на улице, бросить на смерть своего сына, чтобы с тобой было, добрался бы до другого бункера, или спустился в метро к остальным, а может так бы и остался под свистом ракет, тебя бы сожрали, сынок, ты не понимаешь, люди они как крысы, они норовят сгрызть тебя, растоптать, особенно когда происходит такое, ты думаешь я поступил неправильно нарушив инструкции ?

Он встал и прошёл к терминалу.

- Нет, прости, мне просто стало интересно, я не знаю почему. Я вспомнил о нем, вспомнил о тех бумагах, что читал, мы десять лет уже тут, и ты практически никогда ничего не говорил, я думал, когда я стану старше, ты поведаешь мне больше о прошлом..

— Прошлого больше нет, и вспоминать о нем, это лишние терзания, у нас осталось только будущее и инструкция, а она гласит: нам осталось сорок лет и мы выйдем отсюда, вместе с другими. Когда радиация спадёт, когда всё устаканится. И когда мы выйдем мы подберем всех кто остался на поверхности, всех кто попрятался под землю, и благодаря этим людям в капсулах построим новое, светлое общество.

-Да, я помню, и если хранителя не станет, активируется протокол замены, он разбудит нового хранителя из капсулы и тогда он..

-Артемом, теперь ты — и есть новый хранитель. Ты знаешь систему. Ты знаешь всё, что я знал. И ты мое будущее, наше будущее, Артемом.

Они замолчали. Музыка стихла. Остались только звуки вентиляции и лёгкий гул глубины. Казалось, больше нечего сказать, диалог был незакончен, но в тоже время был окончательным, здесь не принято спорить, не принято слишком много рассуждать, может так действуют таблетки, а может это просто привычка.

Отец вздохнул, будто сбрасывая разговор и возвращаясь к первоначальным настройкам.

— Посмотрим кино? — предложил он.

- Опять одни и те же фильмы, с одинаковым посылом и приукрашиванием, извини, отец, но я бы предпочел посидеть в тишине, чем увидеть это вновь, по - крайней мере в ближайшее время.

-Нет, у меня есть кое - что интересное для тебя, то что я взял из личной коллекции, я не показывал тебе до этого, это как сказать, взрослое кино, но теперь я думаю ты готов его увидеть.

- Что же это ?

- "Заводной апельсин"

-Странное название, что - то про то жизнь в Африке?

-Можно и так сказать, не обещаю, что тебе понравится, но ты точно будешь удивлен.

Кинотеатр находился в секторе D — бункер был скромн только в технической части, там же внизу находилась жилая, и здесь действительно был зал на несколько десятков мест, с мягкими креслами, с акустикой, которая в глухой бетонной тишине казалась почти живой. Только на креслах снова осела пыль, и помещение отдавало затхлостью, система запустила самоочистку, и уже через несколько минут стало вполне уютно, если получится собрать урожай кукурузы, можно сделать поп-корн, и это будет практически настоящий кинотеатр, как в старые добрые, по пятнадцать копеек за билет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.